

DOI: 10.15372/HSS20200407
УДК 930+94(47)"1825.12.14"

Е.Н. ТУМАНИК

РОЛЬ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЕКАБРИСТОВ В НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ Г.П. ШАТРОВОЙ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена научной концепции и вкладу в изучение движения декабристов видного исследователя середины XX в. Г.П. Шатровой. Особое внимание уделяется роли мемуарных источников в научном анализе ученого, значению мемуарного наследия в выработке ее концепции декабризма, влиянию эго-документов на разработку таких важнейших направлений декабристологии, как декабристы в Сибири, эволюция декабризма в период после восстания, декабристская биографика, а также история Общества соединенных славян, просветительский характер которого Г.П. Шатрова доказала именно на базе мемуаристики. Показан метод использования Г.П. Шатровой мемуарного наследия декабристов как одного из приоритетных источников для характеристики декабристской идеологии и движения в целом, создания научной биографии.

Ключевые слова: декабристология, историография, Г.П. Шатрова, мемуаристика, движение декабристов, Общество соединенных славян, декабристы в Сибири

E.N. TUMANIK

THE ROLE OF THE DECEMBRISTS MEMOIR HERITAGE IN G.P. SHATROVA'S SCIENTIFIC CONCEPT

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The article focuses on the historical concept and contribution to the Decembrist movement studies by G. P. Shatrova, a prominent researcher of the mid-XX century. Special attention is paid to the role of memoir sources in the scientific analysis carried out by the scholar, to the significance of memoir heritage in elaborating the Decembrism concept by Shatrova, and effect of ego-documents on the development of such important trends of the Decembrist studies as: the Decembrists in Siberia, the Decembrism's evolution during the period after the uprising, Decembrist biographies, as well as the history of United Slavs Society. Shatrova proved the enlightening character of this secret society exactly based on the memoirs. She laid down the main scientific approaches to the analysis of Decembrist memoirs as the most important basis to study Decembrists. Shatrova's works are imbued with references to memoirs, making the story of the Decembrist movement personalized, lively and compelling as presented by the author. The principle of working with sources and their selection by G.P. Shatrova lies in the fact that it is the memoir heritage that is taken as a basis, and the materials of office work and investigation play a subordinate role. When characterising the Siberian period of Decembrism, memoirs become nearly the main source for the scholar, and this approach to the source base brings its positive results. Shatrova successfully investigated the problem of the Decembrist uprising's defeat and its lessons on the basis of memoirs. Shatrova used the Decembrists' memoirs especially wide in her historical and biographical works. In her study on D. I. Zavalishin, Shatrova brilliantly solved the difficult task of criticizing the Decembrist's memoirs, which made it possible to involve them in the research. Shatrova clarified the important issue of the "Notes" authorship by I. I. Gorbachevsky. This article traces Shatrova's vision of memoirs, her interpretation and application of them to create the ideas. It shows Shatrova's method of using the Decembrists' memoir heritage as the priority source to characterize the Decembrist ideology and movement as a whole, and to create a scientific biography.

Key words: Decembrist studies, historiography, G. P. Shatrova, memoirs, Decembrist movement, United Slavs Society, Decembrists in Siberia.

Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: kattum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4809>

Ekaterina N. Tumanik – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Галина Петровна Шатрова является одним из виднейших историков-декабристоведов середины – второй половины XX в. В центре ее внимания находилась сибирская история декабризма, но как крупный ученый, она всегда оценивала движение в целом, не разрывая его ни хронологически, ни территориально. Она создала цельную концепцию движения декабристов, отличную, как это ни парадоксально звучит для того времени, от классического марксистско-ленинского подхода, заложила в проблематике изучения декабризма основы биографического исследования с глубоким персонологическим подтекстом. Одной из первых среди ученых-декабристоведов Г.П. Шатрова поняла, что в изучении этой темы необходим историко-биографический план, а выйти на объективное рассмотрение общих сложнейших вопросов истории и эволюции декабризма можно только через тщательное, внимательное и подробное биографическое изыскание. С середины 1960-х гг. Г.П. Шатрова на долгое время становится одной из ведущих фигур в декабристоведении, наметив пути дальнейшей разработки темы в своей основной монографии «Декабристы и Сибирь» [1]. Галина Петровна активно сочетала в научном поиске проблемы общего характера, например, важнейший вопрос об эволюции декабризма, посвящая ему как отдельные публикации, так и биографические исследования. В таком подходе заключается один из главных традиционных принципов сибирского декабристоведения, заложенный еще М.К. Азадовским, когда, казалось бы, узкое биографическое исследование выходит на широчайшую проблематику и позволяет решать важные задачи, которые были бы не видны при использовании обобщенного подхода к теме.

Со второй половины 1960-х гг. научная биография становится одним из инструментов исследовательского анализа декабризма, в том числе в плане изучения сибирского периода. Еще в начале своей научной карьеры Г.П. Шатрова проявила интерес к биографическому жанру – в соавторстве с А.П. Бородавкиным ею была написана работа о Г.С. Батенькове [2]. Позже Г.П. Шатровой были созданы две блестящие биографические работы – об И.И. Горбачевском и Д.И. Завалишине – фигурах непростых, но выбранных удачно в эпоху господства концепции эволюции декабризма исключительно в сторону революционного демократизма. Г.П. Шатрова не была ни ее приверженцем, ни сторонником взгляда на движение декабристов как от начала до конца революционное движение [3, с. 7, 21]. Возможно, именно на основе такого методологического и концептуального подхода и можно было создать полноценные, глубокие и объективные работы об этих декабристах. Важно, что основополагающая для Г.П. Шатровой, магистральная для ее научного творчества проблема эволюции декабризма слилась с биографическим жанром в ее монографиях о Завалишине и Горбачевском. Таким образом, на примере столь непростых фигур в движении декабристов

и общественной жизни России середины XIX в. было убедительно показано, как через биографическое исследование можно успешно решать общие проблемы декабристоведения.

**МЕМОАРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ
В ПОСТРОЕНИИ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ
ДЕКАБРИЗМА**

Г.П. Шатрова начала свой путь в науке с обобщающей проблематики по истории декабристов, к которой тяготела с самого начала своей научно-творческой деятельности, чему и были посвящены ее кандидатская диссертация и ряд публикаций рубежа 1950-х–1960-х гг. Тематика затрагивала основополагающие вопросы декабристоведения, такие как анализ опыта вооруженного восстания 14 декабря, крестьянский вопрос в мировоззрении декабристов, их программа преобразования Сибири [4, 5, 6, 7]. Уже тогда ею впервые был поставлен вопрос об эволюции декабризма – магистральная для научных исследований Галины Петровны, тот самый, который активно разрабатывался ею на протяжении всей жизни [8].

В монографии «Декабристы и Сибирь» (Томск, 1962 г.), написанной на базе диссертационной работы, представлен широкий спектр общественно-политических и социально-экономических взглядов декабристов в сибирский период [1]. Г.П. Шатрова придерживается позиции В.В. Пугачева и С.С. Ланды о существовании двух течений в декабризме – либерально-просветительского и революционного. В Сибири часть декабристов пришла к концепции мирного просветительства, в их числе были и религиозно настроенные декабристы, считавшие, что нравственное самоусовершенствование, распространение этических норм способствуют воспитанию чувств гражданственности и достоинства. Другая часть декабристов стояла на более радикальных позициях всеобщего социального протеста, но и они решение проблемы видели чисто в просветительском духе; эту группу Г.П. Шатрова трактует как «революционных просветителей». В вышедшей в 1977 г. статье Галина Петровна на базе своих многолетних изысканий определила уже три направления в эволюции декабризма в период после восстания, в рамках которых развивалась деятельность представителей движения вплоть до пореформенного периода. Для одних это было направление, «близкое революционно-демократическому» (И.И. Горбачевский), для других оказались приемлемы «старые традиции мирного просветительства» (Д.И. Завалишин), для третьих – «дух либерализма» (А.И. Беляев). Показательно, что Галина Петровна не разрывает движение декабристов на потоки, подчеркивая, что оно все равно оставалось единым – это «было обусловлено общим процессом консолидации революционно-демократического и либерального лагерей» [9, с. 34–35]. Таким образом, она удачно вписывает свою концепцию в рамки господствовавшего тогда в советской историографии взгляда

да «на движение декабристов как единое, несмотря на наличие в нем течений» [3, с. 7].

Уже в монографии «Декабристы и Сибирь» Г.П. Шатрова широко и уверенно использовала декабристскую мемуаристику, увидев в ней, пожалуй, один из основных источников для характеристики декабристской идеологии и движения в целом. Критикуя концепцию В.Н. Соколова, автора монографии «Декабристы в Сибири», вышедшей в 1946 г., Г.П. Шатрова, особо отметила «предвзятый и некритический подход к мемуарному наследству декабристов», что и привело «автора к неверному, извращающему историческую действительность, изображению жизни и деятельности декабристов в Сибири» [1, с. 5]. В монографии Галины Петровны были заложены основные научные подходы к анализу мемуаров декабристов как важнейшей основы для построения концепции декабризма. Работа пронизана ссылками на мемуаристику, благодаря чему история движения в подаче автора выглядит персонифицированной, живой и убедительной. Избегая, собственно, критики источников, для нас важно выяснить и проследить, как Галина Петровна интерпретировала и использовала мемуары декабристов в построении своих идей.

При характеристике подготовки и хода восстания, следствия и суда Г.П. Шатрова, помимо общепринятого обращения к материалам процесса декабристов, активно привлекает эго-документы, прежде всего, воспоминания, что придает логическую завершенность ее концепции, расширяет и одушевляет ее. Речь идет в первую очередь о мемуарном наследии И.Д. Якушкина, братьев Бестужевых, А.П. Беляева, А.В. Поджо, А.Е. Розена. Сопоставляя мемуаристику и следственные материалы, О.В. Эдельман особо подчеркнула, что такой подход расширяет возможности исследования, «создает некую стереоскопичность видения» [10, с. 23]. Важно, что воспоминания были осмыслением их авторами своего пути в тайном обществе, своей роли в движении декабристов, стали результатом, по мнению О.В. Эдельман, коллективного декабристского предания [11].

Касаясь вопроса о расстановке сил накануне восстания 14 декабря, в дополнение к судебным документам Г.П. Шатрова привлекает «Записки» И.Д. Якушкина, вопрос об агитации среди солдат освещает на базе воспоминаний братьев Бестужевых. Анализируя факты, она делает важный вывод, что «в самый канун восстания декабристы <...> начали отступать от тактики военной революции» [1, с. 20].

О переоценке и новом осмыслении ценностей тайного общества во время заключения и суда, психологических переживаний, поведении как подсудимых, так и следователей Г.П. Шатрова пишет, базируясь на мемуарном наследии А.П. Беляева, А.В. Розена и особенно А.В. Поджо, выделяя последнее, пожалуй, в качестве основного эго-источника. Важным для Галины Петровны стало убеждение Поджо в верности идеалам тайного общества, сформировавшееся практически в день исполнения приговора:

«С этой поры мы обновились новыми силами... <...> Наши верования не ослабнут, а окрепнут, и мы останемся верными себе и той России, которая нас так же громко отвергла, как тихо и забыла!» [12, с. 99]. Этой цитатой Г.П. Шатрова подкрепляет свое утверждение, что «в день казни для многих декабристов кончился тот политический кризис, в котором они оказались после поражения восстания» [1, с. 26].

В характеристике сибирского периода декабризма в силу поднимаемых вопросов мемуаристика временами становится практически основным источником для автора, и, нельзя не признать, что такой, казалось бы, достаточно смелый подход к источниковой базе приносит свои результаты. Галина Петровна особо выделяет сюжет о встрече декабристов с Сибирью и сибиряками, придавая ему важное идейное значение, знаменующее «рождение надежды» на «политическое существование за пределами политической смерти», подкрепляя свой вывод обращением к воспоминаниям И.Д. Якушкина и В.И. Штейнгейля [1, с. 26]. Конечно же, именно на базе мемуаристики Г.П. Шатрова исследует важную проблему о причинах поражения восстания и его уроках. Пожалуй, именно для раскрытия этой темы декабристские воспоминания являются самым благодатным источником, ведь, как известно, побудительной причиной и целью написания многих из них были как раз попытки осмысления и характеристики пути тайных обществ. «Декабристы создали некую общую версию событий, в которой воспоминания сплелись со стремлением оправдать себя и товарищей, выснить истину, противопоставить официальной пропаганде свое знание о сущности декабризма», – отмечает О.В. Эдельман [10, с. 23]. Базируясь на свидетельстве М.А. Бестужева, Галина Петровна подчеркивает, что «осознание уроков восстания происходило в казематах», когда рассказам о заключении, следствии, обвинениям, объяснениям, спорам и прениям не было конца», и делает важное замечание для определения важнейшего принципа всей декабристской мемуаристики: «Та характеристика, которая дана была в каземате, нашла свое отражение в воспоминаниях <...>, написанных на поселении или после амнистии» [1, с. 33]. Галина Петровна намечает общие черты процесса развития тайных обществ и выделяет причины поражения восстания, главная из которых – отсутствие опоры на народные массы (по воспоминаниям Д.И. Завалишина, А.В. Поджо и А.Е. Розена, где присутствует критика тактики военной революции) [1, с. 34–37]. При этом практически на базе тех же воспоминаний она подчеркивает опасение и боязнь привлечения народа к восстанию (Д.И. Завалишин, А.В. Поджо, «Записки» И.И. Горбачевского) [1, с. 38–39]. Из тактических ошибок декабристов Г.П. Шатрова выделяет человеческий фактор, связанный с нерешительностью руководителей вооруженных выступлений и отсутствием четких планов (А.Е. Розен, «Записки» И.И. Горбачевского), ложной тактикой ожидания («Записки» И.И. Горбачевского), а также отмечает упущенные возможности по взятию, например, Петропавловской

крепости с целью «превращения ее в опорный пункт восстания» (Д.И. Завалишин) и привлечения на свою сторону правительственных войск, захвата пушек (И.Д. Якушкин, Д.И. Завалишин) [1, с. 39].

Процесс эволюции движения в целом и мировоззрения отдельных декабристов после восстания она рассматривает в ракурсе либо приближения к народу и идее народной революции, либо отдаления от нее, как это было принято в рамках методологии того времени. Но на базе этого подхода Г.П. Шатрова намечает несколько типов эволюции декабризма в период после восстания, что было не характерно для начала 1960-х гг. Часть декабристов «искала спасения в религии», «и их общественно-политические взгляды» менялись «в сторону все большей умеренности». Здесь Г.П. Шатрова цитирует воспоминания А.П. Беляева, где говорится, что таких была «большая часть» [1, с. 50]. Другая часть декабристов «осталась верной освободительным идеям» и «пошла по линии преодоления дворянской ограниченности», в их числе Г.П. Шатрова называет И.Д. Якушкина, братьев Бестужевых, С.Г. Волконского и др. Далее Г.П. Шатрова доказывает, что движение декабристов не поггло, а продолжилось в новой форме: «И этим “общим делом” всех декабристов в Сибири <...> было просветительство» [1, с. 60]. Подчеркнем, что она говорит обо всех декабристах, не разделяя их по взглядам. На основании «Воспоминаний» Е.П. Оболенского Г.П. Шатрова выдвигает идею, что «в основу сибирской программы деятельности декабристов, но с учетом исторических особенностей Сибири и тех уроков, которые они извлекли из поражения восстания», легла просветительская программа Союза благоденствия, на основании чего применительно к декабристам даже использует понятие «дворянские просветители» [1, с. 82, 126].

ДЕКАБРИСТСКАЯ МЕМУАРИСТИКА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее полную разработку и точное изложение своей концепции декабризма Г.П. Шатрова представила в биографических работах о Д.И. Завалишине и И.И. Горбачевском, ставших в определенном смысле венцом ее научного творчества. По мнению коллег, в этих работах Галина Петровна «выступает как сложившийся мастер жанра исторической биографии, удачно сочетая внимание к биографическим деталям с постановкой широких проблем идейной истории декабризма» [13, с. 69]. В своих исследованиях она создает два во многом не совпадающих образа: Горбачевского, приверженца идеи революционного просветительства, мировоззрение которого претерпело эволюцию в направлении, близком революционно-демократическому [14, с. 195; 9, с. 31–35]; и Завалишина – декабриста с крайне сложным изменчивым мировоззрением и характером, стоявшего на позициях мирного просветительства с элементами идей раннехристианского равенства и «консерватизма морально-социологической концепции», а порой сближавшегося

с либерализмом [15, с. 170–171]. И здесь, рассматривая эволюцию декабризма в сибирский период, Г.П. Шатрова, чтобы понять ее истоки, обратилась через биографический путь к исследованию начального этапа декабризма – периоду до восстания.

В биографических изысканиях Г.П. Шатрова, конечно же, особенно широко использовала декабристскую мемуаристику – благо, Д.И. Завалишин оставил содержательные воспоминания, в декабристском наследии есть и мемуары, приписываемые перу И.И. Горбачевского. И здесь возникает интригующая сложность: мемуары Завалишина как источник требуют максимальной критики и перепроверки, вдумчивого анализа и постоянной экспертизы на предмет достоверности. Содержательно и литературно воспоминания необычайно привлекательны для читателя, они убеждают и «обволакивают», но историк не должен доверять им в полной мере, иначе очень легко пойти на поводу у мемуариста и потерять объективность в оценке событий и явлений.

В работе о Д.И. Завалишине Г.П. Шатрова взялась за непростые задачи критики этого крайне сложного источника и привлечения его к исследованию, и блестяще справилась с ними. Галина Петровна впервые в историографии подробно реконструировала историю Ордена восстановления, сблизив его с Союзом благоденствия, а на европейском уровне – с Орденом иллюминатов и Тугендбундом, придя к выводу, что «Орден восстановления являлся мирной просветительской организацией, хотя и конспиративной». При этом ее обращение к мемуарному наследию самого основателя этого тайного общества было крайне осторожным и совершенно не доверительным (например, она особо подчеркивает, что в «Записках декабриста» Д.И. Завалишин искажил содержание своих писем к Александру I, поэтому при их разборе доверяет больше материалам следствия) [15, с. 11, 68–69, 179, 181].

Интересно, что, решая вопрос о радикализации Ордена восстановления ближе к восстанию 14 декабря (а в рамках концепции декабризма, принятой советской исторической школой, он должен был быть решен только положительно), Галина Петровна рассматривает проблему в ракурсе существования организации параллельно с Северным обществом, крайне запутанных перспективах сближения с ним, а в качестве эпиграфа к соответствующей главе помещает многозначительную цитату из «Записок декабриста» Д.И. Завалишина: «Я пока с вами, но не ваш» [15, с. 44]. Вывод она делает следующий, как бы приглашая к рассуждению о том, насколько он однозначен: «Следственный комитет квалифицировал Орден восстановления как революционную организацию <...> “как средство к ниспровержению в России самодержавия”» [15, с. 61]. Говоря о мировоззрении Д.И. Завалишина, она все-таки пишет, что «в середине 20-х годов» он поднялся до идеалов дворянского революционера, но спустя десять лет уже отверг «революционные средства борьбы, как противоречащие христианской вере», не верил и «в революционные силы

народа» и вполне вписался «в одно из направлений просветительства 30-х годов» [15, с. 169].

**«ЗАПИСКИ» И.И. ГОРБАЧЕВСКОГО
КАК ИСТОЧНИК К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА
СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН**

Но если фигура Д.И. Завалишина с его Орденном восстановления стоит в движении декабристов несколько особняком, то при исследовании биографии И.И. Горбачевского у Галины Петровны была возможность выстроить свою версию истории и идеологии Общества соединенных славян, представить его роль в движении декабристов. В связи с этим правомерно выяснить, насколько идеи авторов мемуаров, в частности «Записок» И.И. Горбачевского, были использованы в исторической концепции ученого, насколько полно в ней отразились и насколько на нее повлияли. Необходимо также проследить, насколько соответствуют история и идеология «славян», отраженные в «Записках» И.И. Горбачевского, видению и трактовкам самой Г.П. Шатровой.

Книга о члене общества Соединенных славян И.И. Горбачевском вышла в 1973 г. Интерес к фигуре этого декабриста Г.П. Шатрова объясняет активной эволюцией его мировоззрения именно в сибирский период вплоть до 1860-х гг., а также не менее активной общественной деятельностью этого декабриста, в то время как ранее его взгляды отличались незрелостью вплоть до отказа «от программы и тактики тайного общества» во время следствия: «Пройдя школу демократизма – казематы и ссылку, Горбачевский по радикализму и демократизму во взглядах и деятельности в 60-х годах приближается к выступившему в те годы на политическом поприще новому революционному поколению» [14, с. 4, 58]. Актуальность исследованию придавало и то обстоятельство, что Галине Петровне как биографу И.И. Горбачевского предстояло осветить важнейший вопрос в декабристском источниковедении – об авторстве приписываемых ему «Записок».

«Записки» И.И. Горбачевского были созданы в сибирский период, по выражению Г.П. Шатровой, не только как «свой взгляд» «на ошибки движения» [14, с. 51], но и как собственная версия событий и хода развития тайного общества. В «Записках» изложена оригинальная концепция истории становления и развития Общества соединенных славян, которую Галина Петровна подвергает критическому разбору, поднимая при этом вопрос о том, чьему перу принадлежат «Записки». Она не считает Горбачевского единственным автором «Записок», относя их создание к периоду заключения в Петровском Заводе, когда, наконец, все «славяне» собрались вместе и наконец-то «сформулировали» «основные положения» своей «историко-политической концепции» [14, с. 75]. Как отмечает Н.П. Матханова, «в казематском сообществе произошли превращение индивидуальной памяти в социальную, идентифицирующую группу, выработка “коллективной истории” – той общей версии прошлого,

условной схемы, общей идеи, которая состояла из образов событий» [16, с. 160]. «Записки Горбачевского» можно считать одним из частных образцов этой «коллективной истории», в данном случае ставшей даже коллективным творчеством.

В монографии «Декабристы и Сибирь» Г.П. Шатрова, основываясь на мнении М.В. Нечкиной, называет автором воспоминаний П.И. Борисова. В монографии о Горбачевском она приходит к мнению, что «Записки» составлены «на основе коллективных воспоминаний и литературно обработаны одним автором», а И.И. Горбачевский принял активное участие «в этой коллективной работе». Главным аргументом против авторства Горбачевского Г.П. Шатрова считает то, что «его взгляды по проблемам декабризма расходились с большей частью “славян” и наиболее полно были высказаны в 50-х–60-х годах, когда он находился на поселении» [14, с. 75]. Реконструируя эти взгляды и сравнивая с «Записками», Галина Петровна находит здесь мало соответствий. Тем не менее, это не помешало ей опираться на данные мемуары как на важный источник для создания биографии декабриста.

Во введении к монографии об И.И. Горбачевском она сразу же заявила о «несостоятельности» «утверждения, что якобы “славяне” были сторонниками народной революции», тем самым предвзято свое концептуальное видение истории движения декабристов [14, с. 9]. Наконец, в историографии начала 1970-х гг., по мнению Г.П. Шатровой, назрела необходимость «на основе новых документальных данных» преодолеть некоторые стереотипы в истории «славян». Важно, что здесь автор выступает против господствовавшей в то время концепции М.В. Нечкиной, подробно исследовавшей этот вопрос. Г.П. Шатрова считает неверным тезис, неправомерно развитый в том числе и на базе «Записок», что «Общество соединенных славян ушло вперед по сравнению с Южным обществом как в демократизме, так и в тактических установках, и что восстание Черниговского полка было делом рук соединенных славян» [14, с. 6]. Напомним, что М.В. Нечкина характеризует «славян» радикальным образом и решительно выступает против трактовки их как просветителей: «Республиканский идеал, отношение к народу как к активной силе борьбы, цель демократического всеславянского объединения, протест против крепостного права, решение “обнажить меч против своего государя” и надежда только на свое оружие, символически изображенное при помощи солдатского штыка – опровергают попытку неправильной трактовки Славянского общества как организации, якобы не выходившей “из рамок чистого просветительства” <...> и вышедшей на “большую историческую дорогу революции” только после отказа от своих целей и соединения с Южным обществом. Эта концепция глубоко неправильна. Мировоззрение славян и до этой встречи имело все признаки революционной идеологии антифеодалного характера, и в силу этого славяне с полным основанием принадлежали к основному руслу революционной борьбы своего времени» [17, с. 166–167].

М.В. Нечкина, глубоко проработавшая источниковую базу по «славянам», совершенно справедливо отметила, что образ этого общества, пусть и с пробелами, достаточно подробно и полно отражают материалы следствия, а некоторые дела (братьев Борисовых, Я.М. Андреевича, А.В. Усовского) отличаются «большой смелостью и резкостью показаний» [17, с. 133]. Это совершенно резонный вывод. Но проблема заключается в том, что участники общества рассказывали о нем уже с позиции своей деятельности в Южном обществе, и события, реалии второй половины 1825 – начала 1826 г. почти полностью заслонили от членов общества период его становления, формирования идеологии; эти тонкие вещи не нашли адекватного отражения в показаниях – с главной опорой лишь на материалы следствия «славянское» общество может представляться и радикальным, и революционным. Г.П. Шатрова анализирует идеологию и программу Общества соединенных славян, подчеркивая, что по сравнению со следственными показаниями его участников, в «Записках» И.И. Горбачевского деятельность общества представлена «много шире» [14, с. 25]. Она опирается на ту часть записок, где говорится именно о программе и целях «славян» о том, как было задумано общество, причем тогда еще не имелась в виду перспектива слияния его с другим декабристским союзом. В «Записках» подчеркивается отдаленность «решительного переворота», выделяются программа-минимум и программа-максимум, которые «отдалены большим промежутком времени и значительно разнятся между собой не только программными положениями, но организационными и тактическими установками» [Там же, с. 23]. Галина Петровна, реконструируя на базе «Записок» идейную компоненту программы-минимум, делает важный вывод, что она «была составлена в просветительском плане» с выдвинутым «на первый план» положением «о самоусовершенствовании членов Общества и морально-просветительной подготовке народа к свободе» [Там же, с. 26].

Сопоставляя материалы следствия и записок, Г.П. Шатрова приходит к мнению, что на перспективном этапе развития Общества соединенных славян и в первом, и во втором источнике предполагался «вооруженный путь борьбы» [14, с. 29]. Рискнем заметить, что это утверждение было данью марксистско-ленинской методологии, которой руководствовался автор, хотя, надо признать, что оно не выглядит натянутым, ведь в конечном итоге произошло именно вооруженное восстание. «Записки» фиксируют очень интересный факт, характеризующий идеологию Общества соединенных славян. Их авторы отмечают противоречие, заключающееся в том, что, «не взирая» «на сии постепенные и кроткие меры», «Славянский союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности»: клятва на оружии – «от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний», «мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, не кровью», наконец, идея о том, что, начав борьбу («обнаживши меч против своего государя»), надо ее про-

должать во что бы то ни стало [18, с. 178–179]. Сегодня на базе этого фрагмента, который, возможно, не стоит понимать буквально, мы можем сделать вывод о серьезности и символичности клятвы, самоотверженности и преданности выбранному пути, с которого уже нельзя свернуть, готовности отдать жизнь за идеалы; также мы можем охарактеризовать морально-нравственный кодекс и этику борцов за свободу. В исторических исследованиях советской школы было вполне корректно и допустимо на той же базе в рамках строго научного подхода иначе интерпретировать текст и сделать вывод о готовности «славян» к вооруженному пути борьбы.

Но даже это не помешало Г.П. Шатровой классифицировать общество как сохраняющее в целом лишь просветительский характер («постепенные и кроткие меры»). Опираясь на «Записки», она подчеркивает, что вооруженный путь – путь некоего неопределенного будущего и результат слабой разработки тактических основ деятельности «славян». Галина Петровна делает обоснованный вывод, что «славяне» «не только не являлись носителями идей народной революции, но до включения в Южное общество не успели и не смогли разработать собственную тактику» [14, с. 29]. В «Записках» И.И. Горбачевского действительно сформулирована широкая просветительская программа «славян» (кстати, близкая изложенной в уставе Союза благоденствия), убежденных в том, что «народ не иначе может стать свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным» [18, с. 178].

Ясно, что Г.П. Шатрова больше доверяла именно «Запискам», где в противовес достаточно четко сформулированной просветительской программе тактическая линия выражена очень слабо или не выражена совсем, но, конечно же, идея народной революции как таковая отсутствует полностью. В «Записках» говорится только о «перевороте», который должен будет свершиться лишь после всеобщего просвещения и приготовления народа «к новому образу гражданского существования», более того, этот «переворот», по смыслу мирный и постепенный (реформаторский) противопоставляется «военной революции», следствия которой «опасны»: «Хотя военные революции быстрее достигают цели, но <...> они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются» [Там же, с. 178]. Таким образом, прочная опора на источник дала Галине Петровне возможность так стойко держаться своей гипотезы об исключительно просветительском характере «славян», хотя М.В. Нечкина своеобразно трактовала этот фрагмент, находя в нем скрытый смысл и «элементы» идеологии «революционно-демократической разночинской революционности» у «славян», их желание действовать «во имя народа и для народа и вместе с тем через народ, видя в народе активную и сознательную силу переворота» (в отличие от дворянских революционеров, которые «действуют во имя народа и для народа, но не через народ») [17, с. 164–165]. Но, конечно же, в данном случае источник совершенно прозрачен и буквален и не требует дополнительных глубинных прочтений.

События конца 1825 – начала 1826 г. Г.П. Шатрова передает, в основном опираясь на следственные показания – источник, составленный по «свежим» следам, более живой и достоверный, – этот подход выглядит вполне правомерным. Ее видение полностью опровергает исследовательский стереотип о революционности «славян» и готовности к восстанию. Галина Петровна отмечает, что «славянские управы промедлили с оказанием помощи Черниговскому полку»: «Более того, в самый ответственный момент часть бывших славян вместе с руководителем управы И.И. Горбачевским заколебалась и не проявила энтузиазма и решительности» [14, с. 50]. Конечно же, в подаче Г.П. Шатровой это не выглядит предательством по отношению к общему делу восстания: здесь действует и все объясняет простая логика – проблема в том, что Общество соединенных славян не было революционным, потому и не выступило в поддержку восстания Черниговского полка. И с автором трудно не согласиться. Концепция Г.П. Шатровой гораздо более соответствует «Запискам» И.И. Горбачевского, чем концепция М.В. Нечкиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя мемуарное наследие декабристов, Н.П. Матханова обратила внимание на то, что их «активное мемуарное творчество является еще одним доказательством развитого у них исторического самосознания» [16, с. 150]. Итак, секрет успеха использования воспоминаний в раскрытии темы об эволюции декабризма заключается в характеристике декабристской мемуаристики как уникального источникового комплекса, обладающего высокой степенью точности, информативностью, составленного компетентными авторами, подходящими с полной ответственностью к своим текстам. В этом феномен декабристской мемуаристики – опираясь по большей части только на нее, вполне можно составить картину исторических событий. Это почувствовала и воплотила в своих исследованиях Г.П. Шатрова. Делопроизводственная документация не выдерживает конкуренции с эго-документами при воссоздании истории декабризма, она может служить, конечно, дополнением, и порой очень существенным, но основным комплексом для историка-декабристоведа практически всегда останется комплекс документов личного происхождения. Парадоксально, но история декабризма, написанная без массового привлечения эго-документов лишь по официальным источникам, пусть подробно и обстоятельно, как это сделано, например А.И. Дмитриевым-Мамоновым, существенно проигрывает истории Г.П. Шатровой, выглядит сухой и неубедительной, даже порой недостаточно точной, хотя и основывается исключительно на точных данных [19]. Возможно, единственный путь для воссоздания истории декабристов, в том числе и в Сибири, – это метод работы с источниками и их подбор по принципам Г.П. Шатровой, когда за основу берется

именно мемуарное наследие, а материалы делопроизводства и следствия играют подчиненную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шатрова Г.П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962. 176 с.
2. Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С. Батеньков. Томск, 1960. 89 с.
3. Коваль С.Ф. Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (к постановке проблемы) // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981. Вып. 2. С. 6–22.
4. Шатрова Г.П. Извлечение декабристами уроков из поражения восстания 14 декабря 1825 г. // Доклады 7-й науч. конф., посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1957. Вып. 1. С. 50–51.
5. Шатрова Г.П. К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня // Уч. зап. Том. ун-та. 1958. № 34. С. 52–70.
6. Шатрова Г.П. Крестьянский вопрос в мировоззрении декабристов в сибирский период их жизни и деятельности // Тр. Том. ун-та. 1961. Т. 150. С. 84–94.
7. Шатрова Г.П. Декабристы и Сибирь : автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1958. 15 с.
8. Шатрова Г.П. Эволюция взглядов декабристов в сибирский период их жизни // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Тр. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 199–206.
9. Шатрова Г.П. Эволюция декабризма // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 25–35.
10. Эдельман О.В. История следствия над декабристами и его роль в формировании образа тайных обществ : автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.
11. Эдельман О.В. Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. № 6. С. 34–43.
12. Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. 592 с.
13. Шейнфельд М.Б., Горюшкин Л.М., Покровский Н.Н. и др. Памяти Галины Петровны Шатровой // Изв. СО АН СССР. 1986. № 3. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. С. 69.
14. Шатрова Г.П. Декабрист И.И. Горбачевский. Красноярск, 1973. 200 с.
15. Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984. 200 с.
16. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.
17. Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. 508 с.
18. Горбачевский И.И. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 165–312.
19. Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905. 260 с.

REFERENCES

1. Shatrova G. P. The Decembrists and Siberia. Tomsk, 1962, 176 p. (In Russ.)
2. Borodavkin A. P., Shatrova G. P. The Decembrist G. S. Batenkov. Tomsk, 1960, 89 p. (In Russ.)
3. Koval' S. F. On the evolution of the Decembrists' views in Siberia (to the problem formulation). *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk, 1981, vol. 2, pp. 6–22. (In Russ.)
4. Shatrova G. P. The Decembrists lessons of defeat of the uprising on December 14, 1825. *Doklady 7-y nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii*. Tomsk, 1957, iss. 1, pp. 50–51. (In Russ.)
5. Shatrova G. P. On the issue of the Decembrists' views on Siberia and the program of raising its productive forces and cultural

level. *Uchenye zapiski Tomskogo universiteta*, 1958, no. 34, pp. 52–70. (In Russ.)

6. *Shatrova G. P.* The peasant theme in the world outlook of the Decembrists in the Siberian period of their life and activity. *Trudy Tomskogo universiteta*, 1961, vol. 150, pp. 84–94. (In Russ.)

7. *Shatrova G. P.* The Decembrists and Siberia: diss. abstr. Tomsk, 1958, 15 p. (In Russ.)

8. *Shatrova G. P.* Evolution of the Decembrists' views during the Siberian period of their life. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: trudy konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1961, pp. 199–206. (In Russ.)

9. *Shatrova G. P.* The Decembrism evolution. *Dekabristy i Sibir'*. Novosibirsk, 1977, pp. 25–35. (In Russ.)

10. *Ede'lman O. V.* The inquiry history of the Decembrists and its role in forming the image of secret societies: diss. abstr. Moscow, 2008, 26 p. (In Russ.)

11. *Edel'man O. V.* Memories of the Decembrists about the inquiry as a historical source. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 6, pp. 34–43. (In Russ.)

12. *Podzhio A. V.* Memorials, letters. Irkutsk, 1989, 592 p. (In Russ.)

13. *Sheinfeld M. B., Goryushkin L. M., Pokrovsky N. N.* In memory of Galina Petrovna Shatrova. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*, 1986, no. 3, vol. 1, p. 69. (In Russ.)

14. *Shatrova G. P.* Decembrist I. I. Gorbachevsky. Krasnoyarsk, 1973, 200 p. (In Russ.)

15. *Shatrova G. P.* Decembrist D. I. Zavalishin. Problems of forming the noble revolutionism and the Decembrism evolution. Krasnoyarsk, 1984, 200 p. (In Russ.)

16. *Matkhanova N. P.* Siberian memoiristics of the XIX century. Novosibirsk, 2010, 551 p. (In Russ.)

17. *Nechkina M. V.* The Decembrist movement. Vol. 2. Moscow, 1955, 508 p. (In Russ.)

18. *Gorbachevsky I. I.* Memorials. *Memuary dekabristov*. Moscow, 1988, pp. 165–312. (In Russ.)

19. *Dmitriev-Mamonov A. I.* Decembrists in West Siberia. A historical essay according to official documents. Saint Petersburg, 1905, 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2020

Дата рецензирования 12.09.2020

Статья принята к публикации 12.10.2020